

оригинальная статья

Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функции

Понятовская Татьяна Григорьевна

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>

tagri8@yandex.ru

Кайшев Александр Владимирович

Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск

Поступила 12.05.2022. Принята после рецензирования 02.06.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: В статье рассматриваются такие уголовно-правовые понятия, как *преступление*, *наказание*, *ответственность*. Представлены отличительные признаки указанных дефиниций от иных терминов, содержащихся в уголовном законе. Показано соотношение понятий с уголовно-правовыми институтами. Доказано, что категории уголовного права являются выражениями его политических основ. Однако без институтов уголовного права категории оставались только некими правовыми символами, а политические основы – исключительно декларациями, не обладающими утилитарным значением для каждого уголовно-правового кейса и наказания для лица его совершившего. Сделан вывод, что уголовно-правовые институты, представляя собой критерии оценивания правового значения отдельных фактических обстоятельств, служат реализации положений, нашедших отражение в основных категориях уголовного права. Институты уголовного права могут быть отнесены к той или иной категории в зависимости от принадлежности (преступление, наказание или ответственность), а также в зависимости от политической функции (институты служебные и институты-посредники). Служебные институты категорий: *преступление* – а) вина; б) стадии совершения преступления; в) множественность преступлений; *наказание* – а) система наказаний (статьи 44, 45, 88 УК РФ); б) назначение наказания; в) освобождение от наказания; *ответственность* – а) обстоятельства, исключающие преступность деяния; б) состав преступления; в) освобождение от уголовной ответственности; г) соучастие. Институты-посредники, обеспечивающие связь между категориями *преступление* и *наказание*: а) назначение наказания (в том числе при наличии обстоятельств неоконченного преступления, соучастия, множественности преступлений, т. е. институтов, обслуживающих категории); б) подсистемы наказаний, предусмотренных в статьях Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовная ответственность, уголовно-правовая категория, уголовно-правовые институты, уголовная политика

Цитирование: Понятовская Т. Г., Кайшев А. В. Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 148–153. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-148-153>

full article

Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions

Tatyana G. Ponyatovskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>

tagri8@yandex.ru

Alexander V. Kayshev

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

Received 12 May 2022. Accepted after peer review 2 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The article deals with such concepts of criminal law as *crime*, *punishment*, and *responsibility*, their distinctive features, and their correlation with criminal law institutions. The authors believe that the categories of criminal law express its political foundations. However, without criminal law institutions, these categories would remain only legal symbols, and the political foundations would be empty declarations with no practical significance for each specific case of crime and punishment. The institutions of criminal law serve as criteria for assessing the legal significance of various factual circumstances and implement the provisions reflected in the main criminal law categories. Criminal law institutions can be classified depending on the category, e.g., crime, punishment, or responsibility, as well as on the political function, e.g., service institutions and intermediary institutions. Service institutes include belong to the following categories: *Crime* – а) guilt; б) stages of crime; в) multiplicity of crimes; *Punishment* – а) the system of punishments (Articles 44, 45, 88 of the Criminal Code of the Russian Federation);

b) sentencing; c) exemption from punishment; *Responsibility* – a) the composition of the crime; b) circumstances excluding the criminality of the act; c) complicity; d) exemption from criminal liability. Intermediary institutions provide a link between the categories of *crime* and *punishment*: a) the imposition of punishment (including unfinished crime, complicity, multiplicity of crimes, i.e. institutions that serve particular categories); b) subsystems of punishments provided for in articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crime, punishment, criminal responsibility, criminal law category, criminal law institutions, criminal policy

Citation: Poniatovskaya T. G., Kayshev A. V. Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 6(2): 148–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-148-153>

Введение

В философии категория определяется как «форма осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающая наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления»¹. Уголовно-правовые категории – понятия, в которых отражаются существенные политико-правовые свойства репрессивной власти, ее цели и функции. Такими категориями являются понятия *преступление, наказание и ответственность*.

Существует множество признаков отличий этих понятий от других. Первый признак: категория – не выводимое, а заданное понятие. В классическом уголовном праве дефиниция *преступление* представляет собой деяние, признаки которого определены уголовным законом. В советском уголовном праве категория *преступление* определяется как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Признаки категории *преступление* задаются по воле властителя в соответствии с его интересами и целями.

Вторая отличительная особенность категории как понятия – ее способность подчинять себе содержание других (производных, служебных) понятий. Например, посредством юридических признаков институт стадий служит конкретизации категории *преступление* для применения этого абстрактного понятия в бесконечном многообразии жизненных ситуаций. В данном случае – ситуации развития. Роль института стадий является по отношению к определению понятия преступления служебной. Поэтому содержание стадий (и их виды) находится в абсолютной зависимости от политического значения категории преступления [1].

Методы и материалы. Для уяснения заявленных категорий необходимо обращение к источникам классической, советской и современной доктрин [2–4]. Аксиологический метод познания позволит проанализировать представленные к изучению категории в качестве ценностных ориентиров уголовно-политического курса. Исторический, культурологический и социологический методы дадут возможность установить соотношение понятий и функций уголовно-правовых категорий и институтов.

Виды определений понятий

При формализованном определении понятия (преступлением является только то деяние, признаки которого предусмотрены в уголовном законе) критерием определения видов наказуемых стадий опасной деятельности может быть только состав преступления («норма»). Поэтому в досоветском уголовном праве России к наказуемым стадиям относились только покушение и оконченное преступление («посягательства на норму»). Этот же формальный юридический критерий определял и содержание юридических признаков указанных стадий.

При материальном определении понятия преступления критерием выделения и разграничения наказуемых стадий опасной деятельности может выступать только общественная опасность. Согласно этому критерию, приготовление к преступлению – это уже проявленная воля и в силу этого опасная. Соответственно, такая деятельность должна быть наказуемой независимо от каких бы то ни было формальных признаков, т. е. невзирая на то, что в приготовительных действиях отсутствуют признаки состава преступления (следовательно, и формальные юридические основания уголовной ответственности) [1].

Классическая и советская доктрины считали вопрос о наказуемости (или ненаказуемости) приготовления принципиальным для себя. Он и являлся таковым. Ненаказуемость приготовительных действий в досоветском российском уголовном праве являлась юридической конкретизацией политической функции формального определения понятия преступления. Задача института стадий – формализовать на практике то, что лишь названо формальным. Наказуемость приготовления по советскому уголовному праву – одно из средств реализации политической функции материального определения понятия преступления – снять формальные ограничения с репрессивной власти.

Находим этому подтверждение и в работах основоположников советского уголовного права. Например, А. Н. Трайнин утверждал, что все институты классического уголовного права пронизаны жизненными устоями возмездного правосудия – идеями абстрактного правового равенства. Для социалистического уголовного права фетиши буржуазной юриспруденции (уголовно-правовые институты) – не что иное, как критерии

¹ Михайлов Ф. Т. Категории. *Философский словарь*, под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 1991. С. 237.

социальной опасности. Это именно так. Во-первых, уголовно-правовые институты действительно являются не чем иным, как критериями правовой оценки. Во-вторых, в согласии с материальным определением понятия преступления в рамках советской уголовно-политической концепции другого значения, кроме критерия общественной опасности, у институтов уголовного права быть не могло [2, с. 101].

О правовых символах

Категории уголовного права являются выражениями его политических основ. Однако без уголовно-правовых институтов рассматриваемые дефиниции были бы исключительно некими правовыми символами, а политические основы – декларациями, не обладающими практическим значением для уголовно-правовой оценки преступления и наказания лица, его совершившего.

Например, в соответствии с идеей об ограничении репрессивной функции государства (при формальном определении понятия преступления) наличие в действиях лица состава преступления является юридическим фактом, дающим основание для репрессивной реакции государства [5]. Согласно этой же политической идее, за преступлением должно следовать пропорциональное ему наказание [2; 6–8].

В таком случае, когда причастными к совершению преступления являются несколько лиц с различными степенями участия, или когда преступление разнится своеобразием субъективной стороны или неоконченностью преступной деятельности, или когда в действиях лица формально присутствуют признаки нескольких различных преступлений при направленности его умысла на совершение единичного преступления и прочее, возникает проблема определения критериев такой пропорциональности, критериев оценки различных ситуаций в жизни с позиции права.

Без представленных критериев (как объективных, так и субъективных), т. е. обстоятельств совершения преступления в конкретном кейсе не представляется возможным реализовать в жизни идеи об отношениях между личностью и государством, определенных правовыми символами в дефинициях *преступление, наказание, ответственность*.

Институты уголовного права, представляя собой критерии оценки правового значения различных фактических обстоятельств, служат реализации положений, нашедших отражение в основных уголовно-правовых категориях. Указанное значение уголовно-правовых институтов универсально настолько же, насколько универсально значение категорий. В любой уголовно-правовой системе, основанной на любой из указанных правовых идеологий, институты исполняют одну и ту же роль по отношению к категориям – являются юридическими механизмами применения на практике содержащихся в них (категориях) политических идей.

Классификация институтов уголовного права

Институты уголовного права могут быть классифицированы в зависимости от их принадлежности к той или иной категории (преступлению, наказанию или ответственности), а также в зависимости от политической функции (институты служебные и институты-посредники).

Служебные институты категорий: *преступление* – а) вина; б) стадии совершения преступления; в) множественность преступлений; *наказание* – а) система наказаний (ст. 44, 45, 88 УК РФ); б) освобождение от наказания; в) назначение наказания; *ответственность* – а) обстоятельства, исключающие преступность деяния; б) состав преступления; в) освобождение от уголовной ответственности; г) соучастие.

Имеют значение концептуальные различия между институтами классического и советского уголовного права, обслуживающими категорию *ответственность*. В классическом уголовном праве эту функцию выполнял институт «способности ко вменению», определявший субъективные обстоятельства привлечения к уголовной ответственности. Эти обстоятельства предусматривались в уголовном законе как в Общей, так и в Особенной части и варьировались в зависимости от степени развитости данной способности (неразвитая, развитая, утраченная, ограниченная), а также в зависимости от правового значения (обстоятельство, исключающее уголовную ответственность; обстоятельство, препятствующее уголовной ответственности за определенные преступления; обстоятельство, влияющее на наказание) [9]. Подобный подход стал доминирующим в уголовно-правовой доктрине [3; 10; 11].

В советском уголовном праве вменяемость – не институт, а признак субъекта преступления (вспомним утверждение А. Н. Трайнина о том, что все буржуазное учение о вменяемости на самом деле есть простой и ясный вопрос психического здоровья или психической болезни [2, с. 100]). Установление юридическим образом границ целесообразной репрессивной реакции на общественно опасное поведение в зависимости от субъективных интеллектуальных и волевых особенностей (способностей) лица противоречило политическому значению универсального (правового и социального) критерия преступления, каким являлась общественная опасность.

В постсоветском уголовном праве России пока не обнаруживается тенденция развития вменяемости как признака субъекта преступления до масштабов уголовно-правового института, определяющего условия, основания и пределы уголовной ответственности лиц в зависимости от их интеллектуальных и волевых способностей, условий социальной среды, социально-психологических и индивидуально-психологических и других характеристик².

² По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовному уложению 1903 г. способность ко вменению могла быть развитой, неразвитой, утраченной. Среди обстоятельств, определяющих неразвитую способность ко вменению, предусматривались: 1) особенности естественного роста человеческого организма; 2) болезненные состояния организма; 3) вредно действующие условия воспитания. Согласно ст. 98 Уложения о наказаниях, невменяемыми признавались глухонемые от рождения или с детства, «если они не получили через общение с другими людьми надлежащего понятия о своих обязанностях».

Институты-посредники, обеспечивающие связь между категориями *преступление* и *наказание*: 1) назначение наказания (в том числе при наличии обстоятельств неоконченного преступления, соучастия, множественности преступлений, т. е. институтов, обслуживающих категории); 2) подсистемы наказаний, предусмотренных в статьях Особенной части УК РФ.

Разграничение уголовно-правовых категорий и институтов, определение их соотношения не только иллюстрируют политическое значение традиционных уголовно-правовых понятий, но и служат решению задач совершенствования уголовного законодательства и практики его применения [12; 13].

При сохранении материального определения понятия преступления нельзя рассчитывать на полную отмену наказуемости приготовления как неоконченного преступления. В современной российской уголовно-правовой науке (и раньше, в том числе при обсуждении проектов УК РСФСР 1960 г., УК РФ) ставился вопрос об отмене наказуемости приготовления к преступлению, в обоснование которого приводились веские доводы.

Действительно, в законе приготовление описано как оценочное понятие. Оценочное понятие в основании уголовной ответственности противоречит классическим принципам права, но не противоречит политическому значению материального определения понятия преступления. Современная уголовно-правовая идеология во многом отличается от советской. Однако коренным образом изменить содержание института стадий без изменения категории, которую он обслуживает, невозможно.

Эта категория в настоящее время также претерпела некоторые изменения: определение понятия преступления теперь называется не материальным, а формально-материальным. Критерий общественной опасности не утратил своего правового значения, но он перестал быть единственным и основным. Общественная опасность превращается в социальное основание криминализации, пенализации и уголовно-правовой оценки, уступая по своему значению признакам формальным (юридическим).

С этих позиций нужно ставить вопрос не о полной отмене наказуемости приготовления к преступлению, а об исключении его из числа наказуемых стадий неоконченного преступления. В то же время общественная опасность приготовления к отдельным преступлениям может послужить основанием криминализации такой деятельности, т. е. – определению признаков приготовления к отдельным преступлениям (видам преступлений) в Особенной части УК РФ.

Служебное по отношению к категории *преступление* значение института неоконченного преступления (стадий) сказывается на практике применения уголовного закона, в частности на квалификации преступления. Как следует квалифицировать ситуацию отравления, когда злоумышленник предлагает жертве тайно отравленное им питье с целью лишения ее жизни, но ожидаемые им последствия не наступают, т. к. жертва напиток не употребила? Как известно, покушение на преступление отличается от приготовления

исполнением состава преступления. В классическом уголовном праве значение формального критерия абсолютно. Поэтому предложение жертве яда рассматривалось бы лишь как обнаружение умысла, а для начала исполнения «законного состава» потребовалось бы принятие жертвой яда внутрь [14, с. 543–545].

При материальном определении понятия преступления покушение выражено в действии (или бездействии), непосредственно направленном на получение преступного результата, т. е. на совершение преступления. В таком контексте изменяется представление о моменте начала исполнения преступления. Поэтому приходится признать, что с политической точки зрения квалификация предложенной для примера ситуации отравления должна быть иной: эти действия должны получать юридическую оценку как покушение на убийство.

Содержание и правовое значение одноименных институтов уголовного права в разнообразных уголовно-политических концепциях различаются в положениях, существенных для этих концепций [15–17]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определения политической функции каждого института уголовного права, выделения тех положений, которые относятся к его политическим основам, что в конечном итоге позволит выявить принципиальные направления совершенствования уголовно-правового института как в теории, так и в практическом преломлении.

Заключение

На сегодняшний день политические основы являются жизненными устоями не только возмездного правосудия, но и всякой другой уголовно-правовой системы; они пронизывают все уголовно-правовые понятия, законодательство и практику его применения.

Соотношение и взаимосвязь категорий и институтов уголовного права на нескольких примерах института стадий являются лишь фрагментами общей многоплановой картины политических основ российского уголовного права. Для отображения ее во всей полноте следует представить политический курс уголовного права от начала и до конца. Пока наша цель ограничилась лишь демонстрацией того, что кроме привычного нормативистского подхода к изучению уголовного права существует еще и политико-правовой.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. Г. Понятовская – проведение исследования (50%), сбор и обработка данных из источников на русском языке, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи.

А. В. Кайшев – проведение исследования (50%), применение логического метода, подготовка введения, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи, оформление текста и источников литературы.

Contribution: T. G. Ponyatovskaya performed the research (50%), collected and processed the data from Russian sources, analyzed the materials, and prepared the draft of the manuscript. A. V. Kayshev conducted the research (50%), applied the logical method, wrote the introduction, edited the final version of the article, and formatted the article.

Литература / References

1. Полный курс уголовного права. Т. I. Преступление и наказание, под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр, 2008. 1131 с.
The complete course of criminal law. Vol. 1. Crime and punishment, ed. Korobeev A. I. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr, 2008, 1131. (In Russ.)
2. Трайнин А. Н. Критерии социальной опасности. *Основы и задачи советской уголовной политики*, под ред. Е. Г. Ширвиндта. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 98–109.
Trainin A. N. Criteria of social danger. *Fundamentals and tasks of Soviet criminal policy*, ed. Shirvindt E. G. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1929, 98–109. (In Russ.)
3. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 34 с.
Ponyatovskaya T. G. *Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 1997, 34. (In Russ.)
4. Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы. *Российский девиантологический журнал*. 2022. Т. 2. № 1. С. 109–123. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>
Sheveleva S. V., Shatankova E. N. On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2022, 2(1): 109–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>
5. Нагаева Т. И. Формы и виды преступного деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 51 с.
Nagaeva T. I. *Forms and types of criminal act*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 51. (In Russ.)
6. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. М.: Проспект, 2021. 232 с.
Ponyatovskaya T. G. *Conceptual foundations of the system of concepts and institutions of criminal and criminal procedural law*. Moscow: Prospekt, 2021, 232. (In Russ.)
7. Зубарева Е. Д., Ширококов М. И., Гребеньков А. А. Соотношение норм морали и норм уголовного права. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. в рамках проведенного симпозиума с международным участием (Курск, 27–28 мая 2021 г.) Курск: ЮЗГУ, 2021. С. 167–169.
Zubareva E. D., Shirobokov M. I., Grebenkov A. A. Correlation of moral norms and criminal law norms. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. Sci. Symposium with Intern. Participation, Kursk, 27–28 May 2021. Kursk: SWSU, 2021, 167–169. (In Russ.)
8. Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. № 54. С. 722–753. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-54-722-753>
Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. The principle of the inevitability of punishment in penal enforcement law: from declaration to the possibility of implementation. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2021, (54): 722–753. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-54-722-753>
9. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы и содержание института вменяемости в уголовном праве. *Российский юридический журнал*. 1995. № 4. С. 69–82.
Ponyatovskaya T. G. Conceptual foundations and content of the institute of sanity in criminal law. *Russian Juridical Journal*, 1995, (4): 69–82. (In Russ.)
10. Шевелева С. В., Григорова И. А., Григоров Д. Н. Специальное соучастие в организации деятельности нежелательной иностранной или международной организации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. Т. 5. № 4. С. 365–372. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-365-372>
Sheveleva S. V., Grigorova I. A., Grigorov D. N. Active complicity in the activities of an undesirable foreign or international organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(4): 365–372. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-365-372>

11. Шевелева С. В., Сидоренко Э. Л. Освобождение от наказания в российском праве. Курск: ЮЗГУ, 2020. 272 с.
Sheveleva S. V., Sidorenko E. L. *Exemption from punishment in Russian law*. Kursk: SWSU, 2020, 272. (In Russ.)
12. Байбарин А. А., Секарева Л. А. Модернизация уголовного законодательства в сфере развития уголовно-правовой политики. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. по мат-лам VII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Курск, 15–16 декабря 2016 г.) Курск: ЮЗГУ, 2017. С. 316–321.
Baybarin A. A., Sekareva L. A. Modernization of criminal legislation in the sphere of criminal law development. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. VII Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Kursk, 15–16 Dec 2016. Kursk: SWSU, 2017, 316–321. (In Russ.)
13. Панина Ю. А., Горячих С. А. Сравнительно-правовой анализ правовых норм РФ и США, связанных с похищением человека и незаконным лишением свободы. *Эволюция государства и права: проблемы и перспективы*: сб. науч. тр. Междунар. науч. конф., посвященной 55-летию ЮЗГУ (Курск, 28–29 марта 2019 г.) Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 251–255.
Panina Yu. A., Goriachikh S. A. Comparative legal analysis of the legal norms of the Russian Federation and the USA related to kidnapping and illegal deprivation of liberty. *Evolution of the state and law: problems and prospects*: Proc. Intern. Sci. Conf. dedicated to the 55th anniversary of SWSU, Kursk, 28–29 Mar 2019. Kursk: SWSU, 2019, 251–255. (In Russ.)
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Part general. Vol. 1*. Tula: Avtograf, 2001, 800. (In Russ.)
15. Байбарин А. А., Гребеньков А. А., Шевелева С. В. Уголовное право России. Общая часть. Курск: ЮЗГУ, 2017. 429 с.
Baybarin A. A., Grebenkov A. A., Sheveleva S. V. *Criminal law of Russia. General part*. Kursk: SWSU, 2017, 429. (In Russ.)
16. Синяева М. И., Скокова А. Н. Стадии совершения преступления в уголовном праве и уголовно-правовой науке. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. V Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Курск, 15–16 июня 2014 г.) Курск: ЮЗГУ, 2014. Ч. 2. С. 72–77.
Sinyaeva M. I., Skokova A. N. Stages of the crime in the criminal law and criminal science. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. V Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Kursk, 15–16 Jun 2014. Kursk: SWSU, 2014, pt. 2, 72–77. (In Russ.)
17. Полянская С. С. Актуальные проблемы пособничества в уголовном праве России. *Актуальные вопросы развития современного общества*: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 20 марта 2020 г.) Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 83–86.
Polyanskaya S. S. Actual problems of complicity in the criminal law of Russia. *Actual issues of the development of modern society*: Proc. 4th Intern. Sci.-Prac. Conf., Kursk, 20 Mar 2020. Kursk: SWSU, 2020, 83–86. (In Russ.)